

торым он прибегает как к средству воздействия на «злых» помещиков, и наставления «дворянскому корпусу» вообще стоят в прямой связи с социально-философской концепцией разумного общественного устройства. Рассказчик принимает на себя роль защитника бедных на том основании, что ему открылись истинные причины этой бедности. Вот этот урок познания истинных причин нищеты крестьян и дает автор читателю на правах «учителя жизни». Общефилософская, социально-политическая позиция определила и прием сатирического повествования. Обличение дается исключительно от лица путешественника. Крестьяне вызывают жалость, сочувствие, пробуждают своим забитым видом у читателя гнев на помещика. Но в восприятии и изображении автора сами они лишены стремления к протесту, к утверждению своего человеческого достоинства. Сострадание автора к ним потому почти идиллично. Оно и вызвано-то как раз созерцанием их покорности, беззащитности. Крестьяне же, доверчиво изливая душу «доброму» барину, словно бы побуждают его быть их ходатаем перед «дворянским корпусом», их защитником. Так в изображении крестьян раскрывается авторское видение, восприятие мира.

Спустя восемнадцать лет радищевский путешественник точно так же встречается, и не раз, с крестьянами. Но ему не так-то просто удавалось установить с ними контакт, вызвать на откровенность, расположить к себе. Всякий раз преодолевается какое-то отчуждение, возникавшее у крестьян при одном виде барина. Радищев даже особо и настойчиво подчеркивал это, словно бы полемизируя со своими предшественниками. И если подойти к проблеме авторства с этой стороны, то вывод напрашивается явно не в пользу Радищева. В самом деле, как у него мог нарушиться контакт с крестьянами в 1790 г., если в 1772 г. они так охотно, с таким расположением отзывались на участливое слово «доброе» барина? Не говоря уж о главах «Любани» и «Едрово» (где путешественник выглядит в глазах крестьян просто любопытствующим господином), даже в «Пешках» (главе, в которой В. П. Семепников усматривал некое сходство с «Отрывком») крестьянка безбоязненно и с явной неохотой входит в пространные рассуждения заявляет, что «все господа дворяне» — мучители. В том числе и он, путешественник: «Не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы?». Если и можно объяснить эту странную эволюцию в творческой манере изображения крепостных, то разве только тем, что с годами Радищев стал все менее и менее понимать язык своих собратьев, все дальше и дальше отходил от народа. Но все творчество писателя восстает против такого неправомерного заключения.

Или, быть может, такое изменение в видении действительности и в изображении взаимоотношений путешественника с крестьянами объясняется тем, что в «Отрывке» описано не реальное, а вымышленное путешествие, что Радищев в 1772 г. просто вооб-